

Джоанн Харрис

Читайте в авторской серии Джоанн Харрис

БЛАЖЕННЫЕ
ШОКОЛАД
ЕЖЕВИЧНОЕ ВИНО
ПЕРСИКИ ДЛЯ МЕСЬЕ КЮРЕ
МАЛЬЧИК С ГОЛУБЫМИ ГЛАЗАМИ
ТЕМНЫЙ АНГЕЛ
ОСТРОВ НА КРАЮ СВЕТА
КОШКА, ШЛЯПА И КУСОК ВЕРЕВКИ

КОШКА,
ШЛЯПА И КУСОК
ВЕРЕВКИ

Джоанн
Аррис

ЭКСМО

Москва
2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
X 21

Joanne Harris
A CAT, A HAT, AND A PIECE OF STRING
Copyright © Frogspawn Limited 2012. All rights reserved

Перевод с английского *И. Тогоевой*
Разработка серии *А. Саукова*
Иллюстрация на обложке *И. Хивренко*

Харрис, Джоанн.
X 21 Кошка, шляпа и кусок веревки / Джоанн Харрис ; [пер. с англ. И. Тогоевой]. — Москва : Эксмо, 2014. — 448 с. — (Пленительный роман. Проза Джоанн Харрис).

ISBN 978-5-699-72566-3

Что общего у призрачных обитателей старинного дома, скандинавских богов и двух пожилых дам? Примерно то же, что у кошки, шляпы и куска веревки. Каждому из них Джоанн Харрис отвела особую роль в своих рассказах. Она сложила из них хитрую головоломку, где даже незаметная деталь легко нарушает общий рисунок. Так, во Всемирной паутине опасная игра-ловушка может превратиться в место для встречи влюбленных, а рождественский праздник — в коридор между реальным миром и миром воспоминаний. Главное — помнить, что во всех мирах, созданных Джоанн Харрис, нет места предсказуемости и каждая история, как и шкатулка с секретом, не обходится без двойного дна.

УДК 82 (1-87)
ББК 84(4Вел)

© Тогоева И., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке.
Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-72566-3

*Крису,
от рассказов которого
всегда кровь стынет в жилах*

Предисловие

Однажды во время интервью мне был задан такой вопрос: «Если бы вам пришлось высадиться на необитаемый остров, какие три вещи вы взяли бы с собой?»

И я довольно легкомысленно ответила: «Кошку, шляпу и кусок веревки». Отчасти потому, что мне понравилась эта веселая, беспечно-хвастливая фраза; и потом, все эти вещи действительно обладают многочисленными потенциальными возможностями — как вместе, так и по отдельности, — что и делает подобный выбор не просто суммой трех произвольных слагаемых.

Ну, кошку я бы взяла для компании. Шляпу — чтобы прикрыть голову от солнца. А кусок веревки можно использовать в самых различных целях, в том числе и для игры с кошкой; с ее помощью, например, легко удержать шляпу на голове даже при сильном ветре. Возможен также следующий сценарий: из шляпы и веревки делается примитивная верша для ловли рыбы (предположительно, чтобы накормить кошку). Или иной, менее привлекательный

вариант: я делаю из веревки удавку для кошки, а кошачью тушку готовлю себе на обед, используя шляпу в качестве сотейника. (Если честно, я даже представить себе не могу, что мне когда-либо захочется съесть кошку, но кто его знает, как оно обернется, если я надолго застряну на необитаемом острове?) В общем, помоему, можно придумать еще сотню вариантов использования трех этих вещей.

Рассказы в этом сборнике как бы немного сродни бредовой идее насчет необитаемого острова, кошки, шляпы и куска веревки. С первого взгляда может показаться, что они совершенно между собой не связаны, но в итоге вы поймете, что множеством нитей они связаны не только друг с другом, но и с некоторыми моими романами: то действие происходит в местах, уже отчасти знакомых по иным описаниям, то встречаются уже знакомые персонажи. Хотя некоторые истории, разумеется, стоят особняком — во всяком случае, на сегодняшний день это так, но это отнюдь не означает, что так будет всегда. Зачастую рассказы являют собой для меня нечто большее, чем простая сумма их непосредственных составляющих; я воспринимаю их скорее как некие незавершенные географические карты миров, которые до конца еще мною не открыты и которые только и ждут, чтобы кто-то взял карандаш и провел между определенными точками те соединительные линии, которые сумел обнаружить.

Как я признавалась в сборнике «Jigs and Reels»¹, сюжеты рассказов далеко не всегда даются мне легко. Порой их выносит на берег моего необитаемого острова (мы говорили о нем чуть раньше), точно плавник или случайный груз с утонувшего судна; порой я привожу их домой из своих странствий; а порой они бренчат и грохочут у меня в голове месяцами — а то и годами, — как монетки, случайно угодившие внутрь пылесоса, пока я не выпущу их на волю. Так или иначе, я надеюсь, что благодаря этим историям вы сможете чуть дальше заглянуть на территорию, пока мной до конца не исследованную, и, возможно, встретитесь там со старыми друзьями или обретете новых. Только не забудьте захватить с собой кошку и шляпу — а уж с помощью достаточно длинного куска веревки вы всегда сумеете отыскать дорогу домой.

ПЕСНЬ РЕКИ

Рассказы вообще-то похожи на русских матрешек: открываешь их одну за другой и в каждой находишь новую, поменьше. Вот этот вот я написала, когда ездила в Конго с организацией «Medecins sans Frontieres»². Уже одно то,

¹ В русском издании «Чай с птицами», издательство «Эксмо», 2010. — Здесь и далее примечания переводчика.

² «Врачи без границ» (фр.).

почему я там оказалась, — отдельная история. В Браззавиле мне довелось познакомиться с группой мальчишек, совсем еще маленьких, которые изобрели весьма оригинальный (и очень опасный) способ зарабатывать на хлеб. Собравшись под верандой одного из немногих уцелевших в городе ресторанов, они за жалкие гроши, а то и за горсть объедков были готовы развлечь посетителей тем, что прыгали в воду в самом опасном месте, у тамошних порогов, затем выплывали на стремнину и как бы сплавлялись вниз по течению, а течение в этих местах поистине бешеное¹. Эти дети — среди них не было ни одного старше десяти лет — по двадцать раз на дню рисковали жизнью, зачастую лишь ради недоеденной кем-то куриной ножки или куска хлеба. Но самое главное — они, похоже, и сами получали удовольствие от своего опасного занятия.

¹ В этом месте так называемая Впадина Конго имеет ступенчатое строение, и порожистые участки чередуются со спокойным течением, а русло представляет собой цепочку озеровидных расширений, самое большое из которых, Малebo, имеет в длину 30 км, а в ширину 25 км; оно разделено островом Баму на два рукава с мелкими островками и отмелями; как раз у юго-западной оконечности Малebo и расположены Киншаса и Браззавиль. Здесь, в нижнем течении Конго, вода падает с высоты 270 м, образуя 70 порогов и водопадов («водопады Ливингстона»), и с бешеной скоростью устремляется к океану, опресняя в нем воду на 75 км от берега.

Ну, река-то всегда рядом. Так любит приговаривать Мама Жанна, и выражение лица у нее при этом делается как у наших стариков, когда они спорят о чем-то уж совсем непонятном: например, почему аэроплан удерживается в воздухе или почему Господь сделал муху цеце летучей. Словами про реку Мама Жанна отвечает на все — на жалобы, на вопросы, на слезы. Все дело в реке, говорит она. А ведь и правда: Конго всегда рядом.

Уж я-то знаю, что она всегда тут: я всю жизнь на нее смотрю. И характер ее мне хорошо известен; она похожа на свирепого пса: иной раз вздумает поиграть с тобой, да тут же и вцепится в глотку, словно решив, что уж больно ты разыгрался. Я все про нее знаю: и где рыба лучше всего ловится, и где лучше всего купаться, и где течение самое быстрое, и где притаились коварные отмели. На реке Конго я знаю каждый островок, каждую песчаную косу и, конечно, то место, где несколько лет назад застрелили последнего гиппопотама. Хотя если послушать, что об этом рассказывают, так получится, что в тот день туда сбежались все жители Браззавиля — а раз так, надо было этого старого бегемота прямиком в Библию поместить — рядом с историей о чудесном исцелении бесноватого и не менее чудесной ловлей рыбы в Галилейском озере. Хотя, как говорит Мама Жанна, все рыбаки и охотники и на свет-то родились только для того, чтобы врать.

По-моему, и тут все дело в нашей реке; похоже, это она их врать заставляет.

Здесь и правда всякие истории словно сами собой собираются. Точно водяные гиацинты, они приплывают сюда с севера вместе с течением, расцветая и размножаясь прямо на ходу. Например, история о трех колдунах, или о мальчике-орле, или о рыбе-дьяволе — между прочим, эта рыба такая громадная, что запросто может даже бегемоту хребет перекусить, а крокодила и вовсе в один присест проглотит. Ну, это-то, по крайней мере, правда; у меня и доказательство есть: зуб рыбы-дьявола! Я его выменяла (на сигарету и полпалочки жвачки) у одного парня с баржи. Между прочим, зуб этот длиннее моего пальца! Я проделала в зубе дырочку, продела в нее кусок проволоки и теперь всегда ношу зуб рыбы-дьявола на шее, хотя Мама Жанна и пытается меня убедить, что этого делать не следует, потому что в этом зубе заключена черная магия. Кроме того, она считает, что не годится десятилетней девочке болтаться среди речных барж.

Мама Жанна говорит, что если бы *она* была моей матерью, то научила бы меня и готовить, и шить, и заплетать волосы в косички, а потом красиво их укладывать, чтобы легче было поймать себе мужа. «Вот каким уловкам ты должна учиться, девочка, — говорит она мне, — вот каков должен быть твой улов, а не какая-то мерзкая старая рыба-дьявол, которую ты бы и съесть-то не смогла, даже если б сумела выта-

щить ее из воды». Но я и сама могу о себе позаботиться, и мне вовсе не обязательно делать то, что велит Мама Жанна. И потом, она ведь сама говорит: люди приходят и уходят, а река всегда рядом.

На речных порогах мы работаем вчетвером: Мартышка, Усач, Голливудский Красавчик и я. Конечно, это не настоящие имена. Настоящее имя — это ведь тайна, великая тайна. Так что у меня, например, прозвище Нгок, что значит «крокодил» — это потому, что я здорово плаваю. А хорошо плавать — это и есть главная наша забота и работа.

Как раз на границе нашей территории находится ресторан «Les Rapides»¹. Это такой большой дом, весь белый, с просторной верандой, нависающей над водой. До войны посетителей там было много, но теперь ресторан редко бывает полон хотя бы на четверть; туда приходят в основном бизнесмены в серых костюмах с квадратными плечами, или хорошенькие женщины с крашеными волосами в таких воздушных платьицах с оборками, или солдаты и мелкие чиновники; иногда, правда, бывают там и важные *mendele* — белые люди, приехавшие, как я понимаю, по делу; вот только настоящих туристов там давно уже не бывало. В ресторан люди ходят, конечно, затем, чтобы вкусно поесть — *trois-pieces* и *pili-pili*²

¹ «Пороги» (фр.).

² Обед из трех блюд и рис (фр.).

с жареными бананами; печеная тыква с черным рисом и арахисовым соусом; крокодилье мясо с блинчатым пирогом *фуфу* и фасолью. Даже голова кружится, стоит мне подумать, сколько там готовят разной вкусной еды; а еще там, например, подают помидоры, буквально плавающие в масле, и жареную речную рыбу, и свежий белый хлеб с хрустящей корочкой, и жареных цыплят с пылу с жару, и маниоку, и горошек. Конечно же, ведь люди и приходят туда, чтобы вкусно поесть — это само собой, — но их манит еще и река, ее пороги и водопады. С веранды ресторана видно далеко-далеко, на много миль окрест; видна даже Киншаса на том берегу, где горят костры; река там несется, как бешеная, так и скачет, так и крутит, так и завивается меж валунами, поднимая в воздух целые тучи водяной пыли. Правда, возле Хиппо-айленда, острова Гиппопотама, еще страшнее — там течение образует самый настоящий, жуткий, желто-серый водоворот; но и здесь течение тоже ого-го, а уж грохот стоит...

«Словно стадо слонов идет» — так Мама Жанна говорит. Стадо огромных коричневых слонов, у которых ноги толщиной с пальмовый ствол. Я, правда, пока еще ни одного слона не видела, но в столичном зоопарке есть череп одного гигантского слона, так он величиной с кабину грузовика — белый как мел и ноздреватый, а из беззубого рта торчит потрескавшийся бивень.

«Словно воскресное утро», — говорит Мар-

тышка; словно хор в церкви; словно танцы; словно грохот барабанов.

«Словно вертолеты», — говорит Усач, если, конечно, вообще сподобится хоть слово произнести. Словно минометы и артиллерийские снаряды; словно треск выстрелов, похожий, по-моему, на вжиканье белья по стиральной доске. «Словно шум от радиопомех, — прибавляет Голливудский Красавчик, — когда шарришь в эфире, пытаясь поймать нужную частоту», — и это правда: оттуда и впрямь доносится этот фантастический мертвый шепот, шелест, скрежет, царапанье.

У реки для каждого своя песня, говорит Мама Жанна, и все эти песни разные и никогда не повторяются. Вот почему люди *на самом деле* приходят в «Les Rapides»: не столько из-за вкусной еды или потрясного вида с веранды, укрытой от солнца ветвями манговых деревьев, сколько из-за реки, ее звуков, ее бешеного течения, ее властного зова, ее песни. Я знаю, что это именно так; впрочем, другие тоже это понимают. Даже наш Усач с этим согласен, хотя ему уже четырнадцать и он уверен, что знает больше всех. Вот почему наша работа на реке — это не просто работа.

Что вовсе не означает, что мы — не профессионалы. Кто-то зарабатывает себе на жизнь, вырезая всякие штуки из дерева; кто-то идет служить в армию; некоторые на рынках подрабатывают, или водят такси, или просто торгу-